МИЯ ПАЛМ

Хлопушка

новогодняя история без дублей

Мия Палм

Хлопушка

«Автор»
2026

Палм М.

Хлопушка / М. Палм — «Автор», 2026

Лиза Котова любит кино всерьёз. Настолько всерьёз, что нанимает массовку, договаривается с машинистом поезда и разыгрывает со своим идеальным парнем сцены из любимых фильмов. Пока однажды папа не говорит: «Кино кончилось, Лиз. Начинается жизнь». И за несколько недель до Нового года Лиза оказывается одна в съёмной квартире на седьмом этаже. Без массовки, без декоратора и без сценария.В квартире напротив живёт Марк. Хмурый, весь в чёрном, с тростью и взглядом исподлобья. Он ненавидит Новый год, мишуру и тех, кто вешает венки на его дверь. Соседи у Марка дольше девяти дней не задерживаются: у него есть схема из трёх шагов, четырнадцать мышей и ни одного повода верить в настоящее.Только Лиза его сценарий не читала.

© Палм М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний дубль 5
Глава 2. Венок 9
Глава 3. Пряничные человечки 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Хлопушка

Глава 1. Последний дубль

Поезд отправляется через три минуты. Она идёт по перрону быстро и грациозно, каблучки стучат по заледенелому асфальту, следом катится маленький жёлтый чемоданчик. Снег падает крупными хлопьями — ровно такими, как надо. Вот и её вагон. Она поднимается по ступенькам и замирает в тамбуре. Ей грустно уезжать. Она оказалась недостойна его любви. Так будет лучше.

И вот, когда до новой жизни остаётся один шаг, она слышит своё имя.

Он бежит по перрону. Женщина с клетчатой сумкой шарахается в сторону, мужчина с ёлкой под мышкой пригибается, двое студентов расступаются — один даже успевает глянуть на часы. Она спрыгивает со ступенек, забыв про чемоданчик, бежит навстречу, и они падают друг другу в объятия. Он задыхается от бега и бубнит извинения. Она гладит его по щеке. Поцелуй. Снег. Гудок поезда.

Финал. Занавес.

— Всё, отпускай. Сцена окончена! — Лиза высвободилась из объятий и отступила на шаг, чтобы вдохнуть морозного воздуха вместо одеколона. Одеколон Дэн выбирал по статье «Десять ароматов настоящего мужчины» и, кажется, взял все десять сразу.

— А титры? — спросил он.

Лиза уже достала помаду и, вытянув губы буквой «о», ответила:

— Ых нэ будэт!

«Промычала, как отрезала», — подумал Дэн и улыбнулся. Он вообще часто улыбался. На всякий случай.

Массовка расходилась. Женщина с клетчатой сумкой сняла платок и оказалась студенткой театрального. Мужчина с ёлкой закинул ёлку в кузов «Газели»: ёлка была арендованная. Двое студентов подошли за остатком гонорара, и Лиза перевела им деньги, не глядя. Телефон пискнул и сел. Всё прошло идеально. Даже машинист задержал отправление ровно на четыре минуты, как договаривались.

Лиза обернулась. Поезд медленно уползал в снег, мигая красными огоньками. Уползал вместе с её жёлтым чемоданчиком.

— Дэн. Чемодан.

— Какой чемодан?

— Мой. Жёлтый. Он остался в тамбуре.

Дэн посмотрел вслед поезду так, будто тот мог передумать.

Чемоданчик был не просто чемоданчиком. Два года Лиза выслеживала его на аукционах и в итоге выкупила у коллекционера за сумму, которую папе называть не стоило. Тот самый, с которым героиня «Последнего поезда на север» уходила от любимого в финальной сцене. Настоящий реквизит. С царапиной на левом боку, которую, по легенде, оставила сама актриса.

— Ну, — Дэн почесал затылок, — зато сцена получилась.

Сцена получилась. Только почему-то совсем не радовала.

* * *

До дома ехали молча. Дэн держал ровно шестьдесят и включал поворотник даже на пустой дороге. Ему нравилось, когда всё по правилам. Поэтому они с Лизой и подходили друг другу — так считали все, включая их самих. Красивая пара. Правильная. Как с обложки.

Лиза смотрела в окно и подсчитывала потери. Чемоданчик. Севший телефон, с которого нельзя позвонить на вокзал. И настроение.

Лиза любила кино. Не так, как любят его нормальные люди — по вечерам, под плед и чай. Лиза любила кино всерьёз. В её комнате стояли стеллажи с дисками — коллекционными, с автографами, с режиссёрскими версиями. На стенах висели постеры, подписанные людьми, которых она никогда не видела вживую, но узнала бы по голосу. А в феврале её ждал кинофестиваль: путёвка оплачена в сентябре, платье выбрано в октябре, речь на случай, если её вдруг попросят что-нибудь сказать, отрепетирована в ноябре.

Но смотреть фильмы было мало. Фильмами хотелось жить. Поэтому полгода назад Лиза предложила Дэну разыгрывать сцены наяву. И Дэн согласился, потому что он вообще не умел говорить «нет». Ни Лизе, ни официантам, ни продавцам в салонах связи.

Они уже успели «случайно» столкнуться в парке, где у обоих спутались поводки собак. Собак пришлось взять напрокат у кинолога, и одна из них до сих пор присылала Дэну открытки. Встретиться под дождём на мосту — дождь обеспечила поливальная машина. И даже спасти тонущую Лизу, правда в бассейне: для моря был не сезон, а спасатель в бассейне долго не мог понять, кого именно и от чего спасают на глубине метр двадцать.

— Ты сегодня была великолепна, — сказал Дэн у ворот.

— Знаю, — вздохнула Лиза.

Он потянулся её поцеловать.

— Дэнни, прости, у тебя изо рта пахнет. Давай в другой раз.

Она чмокнула кончики своих пальцев, коснулась ими его губ и выскочила из машины.

Дэн не обиделся. Наоборот, он был благодарен: хорошо, когда тебе честно указывают на недостатки. Надо записаться к стоматологу на чистку. До Нового года. Обязательно. Он включил радио, где в сотый раз за декабрь играла одна и та же новогодняя песня, и уехал. Ровно шестьдесят.

* * *

Дом Котовых к Новому году выглядел так, будто его украшала не семья, а съёмочная группа. Отчасти так и было: Лиза наняла декоратора. Гирлянды обвивали каждую ель на участке, на крыше веранды светились сани с тройкой, вдоль дорожки стояли светящиеся снеговики. А у крыльца стоял двухметровый Дед Мороз с датчиком движения, который махал рукой и говорил басом: «С Новым годом, внученька!» Говорил он это всем без разбора, включая курьеров, соседского кота и папу.

Лиза убрала сапоги на полку носками к стене, вымыла руки лавандовым мылом ручной работы, переоделась во флисовую пижаму с оленями, поставила телефон на зарядку и первым делом позвонила на вокзал. В бюро находок ей ответил усталый мужской голос.

— Жёлтый? На колёсиках? Девушка, у меня тут чемоданов полвагона. Поезд дойдёт до конечной, проводники сдадут — позвоним.

— Вы не понимаете. Он из фильма.

— У меня тоже вся жизнь как в кино, — вздохнул голос. — В фильме ужасов. Всего доброго.

Лиза села на подоконник, укуталась в красный плед и поймала своё отражение в тёмном стекле. Чёрные волосы, две платиновые пряди у лица — точь-в-точь как у героини «Последнего поезда». Парикмахер красил их четыре часа и все четыре часа отговаривал. Вид у Лизы был такой, что незнакомые мужчины в лифте забывали нажать кнопку своего этажа. Хотя сейчас роковая женщина сидела в пижаме с оленями и чуть не плакала из-за чемодана.

Она открыла ежедневник. До Нового года оставалось меньше месяца, а дел — на три месяца. Новогодний приём на сорок гостей. Меню. Наряд. Живой Дед Мороз, не тот, что у крыльца. Подарки для гостей. И подарки для детского дома — их Лиза отправляла каждый год. Двадцать коробок, курьерская доставка, открытка с подписью «С любовью, Лиза». Саму Лизу в детском доме ни разу не видели. Так было удобнее для всех: дети получали подарки, а Лиза — ощущение, что она хороший человек.

От списка начинала болеть голова. Но Лиза улыбнулась своему отражению и сказала ему, что справится. Отражение, кажется, не поверило.

* * *

За ужином Лиза была в ударе. Она рассказывала, кого позовёт на приём, кому что подарит и почему в этом году ёлка в гостиной должна быть белой.

— Зелёная — это прошлый век, мам.

— Я всю жизнь ставлю зелёную, — сказала мама.

— Вот именно.

Мама вздохнула и подложила всем салата. Папа крутил в руках телефон и слушал подозрительно долго. Александр Котов был человеком разговорчивым: он умел рассмешить даже инспектора ГАИ. И если папа слушал дольше минуты, значит, что-то задумал.

— Лиз, — наконец сказал он. — Мне сегодня начальник вокзала звонил. Мы с ним, оказывается, в одной бане паримся. Спрашивал, не моя ли дочь заплатила машинисту, чтобы тот задержал поезд.

Мама замерла с ложкой салата на полпути.

— И что ты сказал? — осторожно спросила Лиза.

— Что у меня нет дочери.

— Саша! — ахнула мама.

— Шучу. Сказал, что моя. И что больше такого не будет. — Папа положил телефон на стол. — Из какого фильма хоть сцена?

— «Последний поезд на север».

— И чем там всё закончилось?

— Она осталась.

— А чемодан?

Лиза моргнула.

— Уехал.

— Ну хоть кто-то в этой семье уехал, — кивнул папа. — Кстати, об этом. Мы с мамой уезжаем. До конца января.

— Куда?

— В Кисловодск, в санаторий. Мама давно туда хотела, а я давно не хотел. Так что всё честно.

— А Новый год? А приём?

— Приёма не будет.

Лиза положила вилку на салфетку. Аккуратно, параллельно краю тарелки.

— Ничего, — сказала она. — Я всё организую сама.

— Вот и я так думаю. Сама. — Папа достал из кармана ключи и положил их рядом с её тарелкой. — Я снял тебе квартиру в городе. На год. Дальше сама: работа, свои деньги, своя жизнь.

Лиза посмотрела на маму. Мама смотрела в салат так внимательно, будто там были написаны правильные слова.

— Лизонька, это же не навсегда, — сказала она и в третий раз поправила салфетку. Держалась мама из последних сил. — Папа прав.

— Лиз, — папа вдруг заговорил тише, без шуток. — Тебе двадцать три. Ты ни дня не работала. Ты разыгрываешь чужие жизни, потому что своей у тебя пока нет. Я не злюсь, я сам тебе всё это позволил. И уезжаю потому, что себя знаю: останусь — через неделю приеду и заберу тебя обратно.

Телефон Лизы жалобно зажужжал. Сообщение от брата: «Слышал новости. Держись, самостоятельная. Если что, я на совещании до марта».

Они все знали. Все, кроме неё.

Лиза резко встала. В таких сценах героиня всегда бросает салфетку на стол, произносит что-нибудь убийственное и уходит, не оборачиваясь. Лиза бросила салфетку.

— Вы ещё пожалеете! — и развернулась к двери.

Плед, который она так и не сняла с плеч, зацепился за спинку стула. Стул поехал за ней. Лиза дёрнула сильнее — стул поехал быстрее. Пришлось вернуться и под полное молчание родителей отцеплять кисточку от резной ножки. Папа деликатно смотрел в потолок. Мама прикрыла рот рукой, и непонятно было, плачет она или смеётся.

Убийственного ухода не получилось. Получилось просто убийственно.

* * *

Наверху Лиза первым делом позвонила Дэну.

— Они меня выгоняют! В квартиру! На год!

Дэн помолчал. Потом осторожно, будто нёс полный стакан, сказал:

— Ну… папе, наверное, виднее.

— Ты что, на его стороне?

— Я ни на чьей стороне. Просто папе виднее. Слушай, Лиз, мне завтра к стоматологу в восемь. Я записался.

Лиза положила трубку и посмотрела на телефон так, будто тот лично её предал. Дэн был красивый. Дэн был правильный. Дэн идеально смотрелся рядом с ней на фотографиях. И впервые за полгода ей пришло в голову, что фотографии — это, в общем-то, всё, что у них было.

Она просидела на подоконнике до полуночи. Достала чемоданы. Сложила платья, проложив каждое бумагой, чтобы не мялись. Потом подошла к стеллажу с дисками и задумалась, какие взять первыми.

В дверь постучали. Папа заглянул и обвёл взглядом чемоданы, стеллаж и неё.

— Диски оставь, — сказал он.

— Почему?

— Потому что кино кончилось, Лиз. Начинается жизнь. — Он помолчал и добавил: — Не сердись на нас. Мама внизу уже третью салфетку заканчивает.

И закрыл дверь.

Лиза посмотрела на диски. Потом на постер «Последнего поезда» над кроватью. Героиня с платиновыми прядями смотрела на неё с сочувствием.

— Ничего, — сказала ей Лиза. — В кино после такой фразы всегда начинается самое интересное.

Внизу, у крыльца, Дед Мороз пробасил в пустоту: «С Новым годом, внученька!» Видимо, мимо пробежал соседский кот.

Хоть кому-то в этом доме ещё было весело.

Глава 2. Венок

Квартиру папа снял на седьмом этаже девятиэтажки, в тихом районе, где по вечерам самым громким звуком была снегоуборочная машина. Отвёз Лизу он сам. Дотащил до лифта два чемодана, отдышался и спросил:

— Ты туда кирпичи положила?

— Туфли, — с достоинством ответила Лиза.

— Как тебе сказать… Зима на улице.

— У меня и зимние есть.

Папа посмотрел на чемоданы с уважением, как смотрят на человека, который подготовился ко всему.

Хозяйка квартиры, сухонькая старушка в пуховом платке, уже ждала на площадке с сумкой в руках. Она уезжала на зиму к дочери и торопилась на автобус.

— Цветы поливать по субботам, кактус не трогать, он кусается, — тараторила она. — Запасной ключ у соседа, если что. — Она кивнула на дверь напротив и понизила голос: — У меня жильцы вообще-то не задерживаются. Но вы держитесь, деточка.

И уехала вниз на лифте, не дав задать ни одного вопроса.

Лиза и папа переглянулись.

— Трубы, наверное, стучат, — уверенно сказал папа. — В старых домах всегда стучат.

Квартира оказалась маленькой, но уютной. В гостиной стоял диванчик молочного цвета, на полу лежал розовый коврик, у стены теснился белый стеллаж с чужими фиалками. На кухне стояли четыре стула лимонного цвета, и папа долго смотрел на них, прежде чем сесть. Спальня вместила кровать, две тумбочки и шкаф. И больше ничего. Даже Лиза помещалась в ней с трудом, а Лиза была совсем невысокой.

Зато из окна гостиной был виден весь город. Он светился гирляндами, и на широком подоконнике вполне можно было сидеть с пледом и страдать. Лиза решила, что начнёт прямо сегодня.

— Ну, — папа стоял в дверях и никак не уходил. — Если что — звони. Но лучше не звони. Хотя звони, конечно. Но не часто.

И обнял её так крепко, что Лиза поняла: уезжать ему труднее, чем ей оставаться.

Когда дверь за ним закрылась, Лиза достала телефон, чтобы включить что-нибудь утешительное. Интернет подумал и выдал одну палочку. Потом ноль. Телевизора в квартире не было. Диски остались дома. Чемоданчик ехал куда-то на север без неё.

Лиза уткнулась в молочную подушку и зарыдала. В кино в такие моменты звучит печальная скрипка и камера медленно отъезжает. Вместо скрипки за стеной что-то прошуршало. А камеры не было вовсе.

* * *

К третьему дню самостоятельной жизни Лиза перестала рыдать и начала действовать. Раз уж приёма не будет, Новый год придётся устроить здесь. В полутора комнатах. В одиночку. Зато как следует.

Она развесила на окнах гирлянды, расставила на полках свечи и купила ёлку. Двухметровую. Продавец на ёлочном базаре спросил, есть ли у девушки машина. Машины у девушки не было. Зато были решимость и санки, которые продавец отдал ей в аренду под честное слово, просто чтобы на это не смотреть.

В лифт ёлка не влезла. Ни прямо, ни наискосок, ни с уговорами. Семь этажей Лиза тащила её по лестнице, пятясь задом и разговаривая с ней вслух. На третьем этаже ёлка застряла в перилах. На пятом Лиза сломала ноготь и сказала слово, которое героини фильмов

не говорят. На седьмом она села на ступеньку вся в иголках, с растрёпанными волосами, мокрая от снега и пота, и вдруг рассмеялась.

Она ничего так долго и сама не делала. Никогда.

Вечером, когда ёлка уже стояла в гостиной, занимала половину комнаты и упиралась верхушкой в потолок, зазвонил телефон.

— Котова? Бюро находок, — сказал усталый голос. — Нашёлся ваш жёлтый. Проводница сдала. Говорит, он всю дорогу стоял в тамбуре и людей пугал.

Лиза взвизгнула так, что за стеной опять что-то зашуршало.

На вокзал она поехала на автобусе — впервые с девятого класса. Долго выясняла у кондуктора, можно ли оплатить проезд сразу туда и обратно. Кондуктор посмотрела на неё так, что Лиза на всякий случай оплатила дважды.

Чемоданчик ждал её на полке, между чьим-то зонтом и коробкой с надписью «РАССАДА. НЕ КАНТОВАТЬ». Жёлтый, целый, с той самой царапиной на левом боку. Лиза обняла его прямо при начальнике бюро находок. Тот отвернулся из деликатности.

— Видите, — сказал он стене, — а вы говорили фильм ужасов.

— Это вы говорили.

— Ну значит, сегодня другой жанр.

* * *

После возвращения чемоданчика жизнь наладилась настолько, что душа потребовала размаха. Раз квартира была украшена до последнего сантиметра, значит, праздник пора было выносить наружу.

На площадке было две квартиры: её и напротив. За три дня Лиза ни разу не видела, кто там живёт. Оттуда только иногда доносились шаги — неровные, словно человек не торопился, — и тот самый шорох. Но кто бы там ни жил, рассудила Лиза, он не будет против красоты. Против красоты никто не бывает.

Она обмотала перила мишурой, развесила по стенам бумажные снежинки и повесила по венку на обе двери. На свою — пышный, с красными ягодами. На соседскую — поскромнее, чтобы не смущать. В магазине подержанных вещей на первом этаже она купила старый магнитофон и кассету «100 новогодних хитов». Продавщица сказала, что хитов там примерно три, а остальное их же перепевы. Лизу это не смутило. Настроение есть настроение.

Магнитофон играл. Гирлянды мигали. Ёлкой пахло даже в ванной. Если бы кто-нибудь снимал про Лизу кино, это был бы кадр из трейлера.

И тут в дверь постучали.

Лиза неторопливо, с самой радушной из своих улыбок открыла дверь. И всё равно смотреть пришлось снизу вверх.

На пороге стоял высокий парень во всём чёрном. Короткая тёмная стрижка, резкие скулы и взгляд исподлобья — именно такой, какой в фильмах бывает у тех, кто в первой сцене кажется злодеем, а в последней тоже оказывается злодеем. В руках он держал венок. Вернее, то, что от венка осталось.

Лиза сочувственно вздохнула. Бедный. Венок оказался бракованным и сломался, а человек расстроился.

— Ой, извините, пожалуйста! Наверное, он был некачественный. Я завтра же куплю вам новый, гораздо лучше, обещаю!

— Я в этом не нуждаюсь, — произнёс парень таким тоном, каким объявляют, что горячей воды не будет до четверга.

Он положил останки венка на её коврик, развернулся и ушёл к себе. Ушёл неровно, чуть прихрамывая на правую ногу, но Лиза этого не заметила. Зато ей показалось, что у него за воротником что-то шевельнулось.

Наверное, показалось.

* * *

Как правильно извиняться, Лиза знала лучше всех. Она видела около трёхсот фильмов про примирение. Утром она сбегала в магазин и повесила на дверь соседа новый венок. Прочный, на проволочном каркасе, с фарфоровым ангелочком посередине. Ангелочек сложил ручки и смотрел так кротко, что у любого сердце должно было растаять.

Сердце соседа продержалось сорок минут.

Второй стук был совсем не похож на первый. Громче. Резче. С отчётливым раздражением в каждом ударе. Лиза всё равно открыла с улыбкой. Она вообще многого умела не замечать.

— Доброе утро! Видите, я поменяла…

— Вижу. — Сосед держал венок с ангелочком двумя пальцами, как дохлую мышь. — Ещё раз прошу не вешать на мою дверь мишуру. У себя делайте что хотите. Хоть веточки, хоть веники. Хоть ёлку в туалет. Всего доброго.

Он повесил венок на ручку её двери — аккуратно, чтобы ангелочек не разбился, — и ушёл.

Лиза посмотрела на ангелочка. Ангелочек посмотрел на Лизу. Оба ничего не понимали.

«Да что с ним не так? — думала она, закрывая дверь. — Все любят Новый год. Абсолютно все. Даже управляющая компания».

Но на каждый фильм про соседа-буку в её коллекции приходилось по три фильма про то, как его растопили. И во всех трёх топили одним и тем же способом.

Лиза решительно прошла на кухню, достала муку, имбирь и формочки в виде пряничных человечков.

Печенье ещё никогда никого не подводило.

Глава 3. Пряничные человечки

Печенье у Лизы получалось. Это было одно из немногих дел, которые она делала сама, без декоратора, массовки и курьера. Папа каждый год съедал половину противня ещё до того, как печенье успевали украсить, и каждый год говорил, что просто проверяет качество.

К обеду квартира пахла имбирём, мёдом и победой. На подносе лежали двенадцать пряничных человечков в белых глазурных шарфиках. У каждого была улыбка. У одного улыбка вышла кривой, и Лиза его съела, чтобы не портил кадр.

Она поправила платиновые пряди, взяла поднос и постучала в дверь напротив.

Дверь открылась не сразу. Сначала за ней послышались шаги — те самые, неровные. Потом пауза, словно кто-то смотрел в глазок и надеялся, что она уйдёт. Она не ушла.

— Чего ещё? — Сосед привалился плечом к косяку.

— Простите, если я вас чем-то обидела. Меня зовут Лиза, я ваша новая соседка. — Она протянула ему свободную руку в надежде, что он пожмёт её и назовётся.

Он посмотрел на руку. Потом на неё. Потом снова на руку, словно проверял, нет ли в ней подвоха. Рука повисела в воздухе ещё немного и вернулась к хозяйке ни с чем.

— Вот, — Лиза протянула поднос. — Это вам. В знак примирения.

И случилось чудо.

Сосед посмотрел на пряничных человечков, и его лицо стало мягче. Он взял одного, осторожно, за шарфик, и откусил голову. Зажмурился. Взял второго. С набитым ртом сказал, что такого печенья не ел никогда в жизни. Что оно тает на губах. Что он был неправ насчёт венка, и венок можно вешать, и два венка тоже можно. И не хочет ли она зайти на чай…

Но… никакой похвалы не последовало.

Так было только в голове у Лизы. Сценарий был отличный, проверенный тремя фильмами. Сосед просто его не читал.

На самом деле он посмотрел на печенье секунды три. Слишком долго для человека, которому всё равно. Потом поднял глаза на Лизу.

— Мы не ссорились, — сказал он. — Чтобы мириться, сначала надо дружить. Мы не дружим.

И закрыл дверь. Не хлопнул — закрыл. Спокойно и окончательно, как закрывают книгу, которая не понравилась.

Двенадцать пряничных человечков смотрели на закрытую дверь своими глазурными улыбками. Одиннадцать, если точно.

Лиза вернулась к себе и некоторое время стояла посреди прихожей с подносом. Ей отказывали редко. А её печенью не отказывал никто и никогда. Даже Дэн, который сидел на безглютеновой диете из солидарности с кем-то из интернета.

Хамство этого… этого… человека пробило дно её личного рейтинга хамства. До сегодняшнего дня там лидировал брат, который на её выпускном сказал, что в этом платье она похожа на безе. Но брат хотя бы потом съел три куска торта в знак извинения.

Логичнее всего было бы оставить соседа в покое. Но Лиза была не из тех, кто бросает фильм на первой сцене. Ни один сосед-бука ещё не дожил в статусе буки до финальных титров. К тому же ей тут жить целый год. Нельзя же целый год здороваться с человеком, имени которого даже не знаешь.

Значит, для начала нужно имя.

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.